

"В этом есть смысл. Если тебе не комфортно, ты не обязана, но... если бы ты это сделала, я бы абсолютно точно это сделал. Это кажется справедливым". Гарри даже здесь казался понимающим и рассудительным, он держался уверенно и не увлекался ее словами и заманчивым предложением. Это еще больше сбивало Гермиону с толку: Гарри все делал правильно, а она застряла в странном общении со своим добродушным парнем, пытаясь разобраться со всеми странными оправданиями и отговорками, которые она придумывала для себя.

"Ложись на кровать", - сказала Гермиона. Она собиралась сделать это. И когда Гарри двинулся по полу, ее взгляд снова упал на его тело. Снова. Она продолжала делать это. Она продолжала впадать в состояние транса, просто глядя на его мускулистые формы и чувствуя, как ее охватывают волны сильного желания. Но на этот раз она шла глубже. Или ниже. С тех пор, как она обнажила компрометирующее полотенце, она была готова выкинуть мысли о его члене из головы и не беспокоиться об этом. Теперь она собиралась увидеть его голым. Узнать, насколько он действительно велик. Эта мысль немного потрясла ее, но она была готова сделать это, готова довести свою безумную идею до конца.

Гарри лег на кровать, немного раздвинув ноги, и Гермиона устроилась между ними, взявшись за его брюки и расстегнув их, начала стягивать их вниз и в сторону. Ее руки были твердыми и агрессивными, они копались в его брюках и искали секреты, от которых она намеренно себя сдерживала. Она почувствовала легкое головокружение, когда увидела, что все началось, потянулась к его члену и позволила себе принять самое странное из удовольствий.

Устроившись поудобнее, Гарри сделал все возможное, чтобы позволить ей двигаться в своем темпе. "Если ты почувствуешь дискомфорт, мы можем остановиться", - сказал он ей. Он был заботливым, контролирующим. Все, что ей нравилось в нем. Это напомнило ей, что она делает, как сильно она любит Гарри-мужчину и насколько поверхностные и поверхностные потягушки не определяют ничего из того, чем она была...

Черт.

Пальцы Гермионы обхватили основание полужесткого члена, и она с трудом смогла обхватить его весь. Медленно вытаскивая его, она обнаружила, что перед ней член больше, чем она знала, что с ним делать, Гарри твердел в ее руках, поднимаясь до полной мачты, и то, что Гермиона обнаружила перед собой, было не иначе как великолепным. Ее тело напряглось, и она задрожала от смущения и радости при виде такого большого, гордого члена, умоляющего ее внимания. "У тебя очень большой член", - сказала она дрожащим и неуверенным голосом, глядя на него сверху вниз и размышляя о том, как ей обращаться с его членом, и в то же время зная, что ей совершенно необходимо отдаться ему.

Смятение охватило книжного червя, ее рот разгорелся при виде его члена и при мысли о том, что она может отдаться ему. Ее рука медленно и неуверенно двигалась по его стволу, пытаясь обрести уверенность перед лицом полного смущения, желая, чтобы разум возобладал и пробилось понимание. Гермиона была хорошей девочкой. Девственница, не знающая, что делать. Она даже называла это пенисом. В ней не было ни капли раскованности, когда она качала член, который едва помещался в ее руке, и Гермиона знала, что она слишком далеко вышла из своей зоны комфорта, но она была предана.

Возможно, этот член был таким пугающим, что заставил ее задуматься. Но это был также член настолько величественный, что ей захотелось бросить вызов всем и доказать, что она может с ним справиться. Она находилась в состоянии смятения, нужды и жгучего желания, и ей захотелось наклониться вперед и начать покрывать поцелуями головку его члена, глядя на него сверху вниз. Гарри был не просто большим. Назвать его даже очень большим было преуменьшением; он был подвешен как лошадь, одарен членом, который заставлял ее задаваться вопросами о том, как он скрывает это, но также и вопросами о том, насколько ей придется напрячься, чтобы справиться с ним.

Это был всего лишь минет. Гермиона снова напомнила себе об этом, отгоняя все мысли и снова настаивая на том, чтобы продвигаться вперед и погружаться в наслаждение, начиная более агрессивно ласкать его ствол. "Я не совсем понимаю, что я здесь делаю", - сказала она, но ее язык старался изо всех сил, чтобы найти ритм и подход, за которым она могла бы стоять, и она издавала тихие стоны, предлагая так много удовольствия. "Но я сделаю для тебя все возможное".

"Ты уже чувствуешь себя прекрасно", - сказал он ей. Гарри продолжал уговаривать ее так, что по ее телу пробегала дрожь. Оставаясь спокойным и понимающим, Гарри был счастлив, просто ощущая ласку руки Гермионы вдоль своего члена. Поцелуи тоже были желанной радостью, принося удовольствие и желание, которого он жаждал. Для него было счастьем, когда Гермиона делала с ним все, что угодно, и он хотел дать всему этому впитаться медленно, осторожно. Гарри хотел позволить удовольствию нарастать, и мысль о том, чтобы позволить себе погрузиться в эти радости, вызвала в нем бурный прилив желания.

Сглотнув нервозность и пытаясь позволить моменту захватить ее, Гермиона попыталась сосредоточиться на моменте, а внутренний импульс заставил ее обхватить губами его член и толкнуться вперед. Она не знала, что она здесь делает, и это было странным, поразительным ощущением для Гермионы. Она привыкла знать, что она делает, но здесь она чувствовала себя невежественной, делая самый неуклюжий минет, который он мог предложить, отдаваясь чему-то, что, как она надеялась, будет иметь смысл и будет разумным. Она хотела сделать ему приятно, но у нее не было четкого представления о том, что она делает и как довести все это до конца.

<http://erolate.com/book/2890/69255>